

путем в «светлое будущее». Перед человеческим сообществом снова и снова будут вставать новые животрепещущие проблемы. Но они в случае утверждения идеологии и практики устойчивого развития будут решаться приемлемым образом, без продолжительных кризисов и грандиозного социального ущерба, на основе глобального, региональных и национальных консенсусов.

Литература

1. *Мартынов А. В.* Системная трансформация экономики и общества: Российский выбор // М.: ЛЕНАНД. 2016.
2. *Зальковский Н.* Индекс счастья в странах Арктики: индексное измерение и сопоставление динамики развития экономики Арктического мира // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 43–65.
3. *Taylor L.* Income distribution, inflation and growth // Cambridge. 1991.
4. *Мартынов А.* К вопросу об универсальной теории экономической системной трансформации // Общество и экономика. 2018. №4. С. 5–30.
5. *Адрианов В.* Концептуальные подходы к разработке Стратегии устойчивого развития экономики России до 2030 года// Общество и экономика. 2016. №5. С. 5–36.
6. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года. Итоговый документ саммита ООН, принятый 25 сентября 2015 года. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>
7. Global Sustainable Development Report 2016. United Nations, 2016. URL: <http://sustainabledevelopment.un.org/globalsdreport/2016>
8. *Acemoglu D., Liabson D., List J.* Why Isn't the Whole World Developed? // Chapter 8, in *Macroeconomics*, Pearson. 2015. URL: <http://pearsonhighered.com>.
9. G20 Action Plan on the 2030 Agenda for Sustainable Development. Geneva. 2016. URL: <http://ictsd.org>.
10. *Enders J. and Remig M.* (eds.) *Theories of Sustainable Development* // Abingdon: Routledge. 2015.
11. *Джордж Г.* Прогресс и бедность // С.-Петербург. 1896.
12. Global economic prospects. January 2018. The World Bank. 2018. URL: <http://worldbank.org>.
13. The European Commission's 2018 assessment of macroeconomic imbalances and progress on reforms. ECB economic bulletin. Issue 2: Brussels. 2018.

© 2018

Жан Тошенко

член-корреспондент РАН, научный руководитель и зав.кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, председатель редакционного совета журнала «Социологические исследования»
(e-mail: zhantosch@mail.ru)

НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА: ПРЕКАРИАТ

В статье рассматривается новый социальный феномен в современном обществе — прекариат, его основные характерные черты и структуры, проводится сравнение его с другими социальными группами. Выясняются возможность формирования специфической идеологии этого класса и появления в связи с этим новых форм классовой борьбы.

Ключевые слова: общество, социальная структура, прекариат, класс-в-себе, класс-для-себя, рынок труда, занятость.

DOI: 10.31857/S020736760002497-5

Генезис идей прекариата. Во второй половине XX века стали увеличиваться социальные слои (группы, общности), которые стали представлять принципиально новое явление в стратификационной структуре общества, отражающее возросшую степень нестабильности и неустойчивости значительного количества трудоспособного и экономически активного населения.

В настоящее время *масштабы негарантированной занятости* получают все большее и быстрое распространение. Так, в Германии при рабочей силе, оцениваемой в 43,4 млн. человек (2010), занятость 7,7 млн. была нестандартной. Сходные процессы происходят во Франции и Нидерландах. В Японии, в стране с традициями пожизненного найма, в такой форме занятости трудятся около половины женского населения и каждый пятый мужчина. В Испании и Италии 40% выпускников университетов не могут устроиться по своей специальности. Что касается России, то, по данным RLMS-HSE (20 волна мониторинга), 6% наемных работников отнесены к группе с наиболее высокой неустойчивостью занятости и свыше 50% — к группе с умеренной неустойчивой занятостью [Цит. по: Шкаратан. 2009].

Эти слои (группы, общности) стали серьезно влиять на состояние и перспективы развития рынка труда, породив принципиально новые отношения между работником и работодателем. Когда выявилась специфика этих слоев, на первом этапе осмысления этого феномена они описывались и объяснялись с точки зрения социально-экономического положения работников в отдельных сферах экономики. Один из первых,

обративших внимание на их специфику, был П.Бурдьё. В 1970-е годы он дал анализ труда сезонных работников, занятых на виноградниках Франции, охарактеризовал их специфическое положение, их права и возможности реализовать свои жизненные планы. Именно им был поставлен вопрос – а не образуют ли эти слои новую формирующуюся социальную группу, обладающую специфическими чертами и демонстрирующую тенденцию к образованию новой ниши в стратификационной структуре общества [Bourdieu. 1998].

В конце XX – начале XXI веков все больше и больше исследователей стали обращать внимание на те группы населения, которые были ущемлены в своих трудовых правах, ограничены в использовании социальных возможностей, часто меняли место и профессиональную занятость [Wright. 2005]. Объектом научного анализа стали частично или не полностью занятые работники, люди, совмещающие учебу и работу, молодежь с большой профессиональной неопределенностью [Castel. 1995]. Но трактовка и объяснение этих новых явлений породили различные точки зрения и различные подходы к связанным с ними решениям. Так, Д. Пинк, проанализировав кардинальное изменение структуры занятости, заявил о появлении новых слоев, теряющих постоянное место работы, сформулировал свое предложение разделить всех работников на две группы: а) на «людей организации» и б) «свободных агентов». Если первые полностью зависимы и подчинены тем или иным официальным стандартам трудового поведения, то для вторых на первом месте оказывается независимость от внешних (государственно-правовых и корпоративных) условий и факторов [Pink. 2001]. Однако такое объяснение, на наш взгляд, не в полной мере характеризует состояние рынка труда и проблему занятости. Если «человек организации» еще в известной мере совпадает со стандартной, формальной, типичной занятостью, то второе определение – свободный агент – охватывает очень ограниченный круг новых форм занятости. Оно полностью игнорирует существование значительного количества трудоспособного населения, вовлеченного во временную, неполную, сезонную, эпизодическую работу, не говоря о безработных. Правда, говоря о «свободных агентах», Пинк все же признает, что часть из них страдает от нестабильности, от отсутствия постоянной работы, социального пакета, но считает их незначительной массой – в США, по его мнению, таких людей всего 3,5 млн.

Постепенно к анализу труда работников в различных отраслях экономики, характеризующихся нестабильностью социального положения, неустойчивостью трудовой занятости, отсутствием социальных гарантий, потерей профессионализма вследствие частой смены работы, неясностью будущего, подключились и другие ученые: [Seymour K. (при анализе бедности), Doogan K. (при выявлении форм трансформации труда)]. Анализу особенностей прекарного положения в своих странах посвятили свои исследования Kalleberg A.L. (США), Cranford C.J., Vosko L.F., Zukewich N. (Канада), Vives A. и его коллеги (Испания), Ferguson J. (ЮАР). Попытку

обобщить эти данные в рамках всей Европы осуществил Tangian A. [2007] В результате анализа этих принципиально новых аспектов рынка труда созрело убеждение, что мы имеем дело не с разрозненными социальными слоями, общностями, группами, а с некоторым общим явлением, так как они, несмотря на разнообразие, обладают схожими или подобными чертами. А так как количество таким образом занятых работников постоянно росло во всех без исключения странах, появились научнообоснованные предложения считать их классом, который объединяет этих людей по таким характеристикам как специфика занятости, отсутствие или слабая защищенность, негарантированность и неопределенность оплаты труда.

Особую роль в осмыслении этих новых реалий сыграл труд Г. Стендинга, который, обобщив труды многих исследователей, пришел к выводу — следует назвать эти группы с нестабильной занятостью прекариатом (от латинского — неустойчивый, нестабильный, негарантированный) (Standing, 2011). Положение этих групп он рассмотрел на основе значительного статистического и социологического материала. Назвав прекариат «новым опасным классом», он прибег к таким особым, подчеркивающим угнетенное положение членов этих слоев словам и определениям как «не являются», «не обладают», «не имеют», «не включены» и т.д.

В России эти идеи нашли отражение в работах российских исследователей [Голенкова. 2015; Тощенко. 2015, 2018; Шкаратан. 2015], которые на опыте России осуществили анализ масштаба и особенностей этого глобально протекающего процесса. Основная установка их исследований — трактовка и понимание прекаризации как процесса количественного и качественного изменения занятости, которая касается большинства населения. В соответствии с этим в их работах анализируются объективные условия и субъективные факторы, правовые акты, ориентированные на более замаскированные формы эксплуатации, которые никуда не делись за весь период существования капитализма — они только приобрели новый, более изощренный облик, направленный на ограничение прав и свобод личности и беспрекословное подчинение власть имущим, осуществляющим экономическое и политическое управление.

Причины появления прекариата. Происходящие процессы глобальных сдвигов создали по всем параметрам — технико-технологическим, организационным, экономическим, социальным и культурным — огромную зону не только неопределенности, но и неустойчивости, которая в наступившем XXI веке уже наглядно проявилась в двух мировых экономических кризисах — 2008/09 и 2014/2017 годов. Эти потрясения, затронувшие все страны мира (хотя в разной степени), привели к разбалансировке финансовой системы, краху многих банков, к спаду производства и соответственно к глубоким трансформационным процессам на рынке труда. Эти сдвиги сопровождались и объективной потребностью гибкой организации производственного процесса, но нередко и

демагогией, оправдывающей произвольное отношение к работникам [Санкова. 2014].

В конце XX – начале XXI веков в мире фактически произошел отказ от решения проблемы устойчивой занятости. Была провозглашена политика гибкости рынка труда, которая включала в себя много аспектов: «гибкость заработной платы означала приспособление к необходимым изменениям, особенно в сторону понижения; гибкость занятости – возможность для фирм быстро и без затрат менять уровень занятости, тоже преимущественно в сторону понижения, причем с сокращением гарантий обеспечения занятости; гибкость должностей означала возможность перемещать наемных работников внутри фирмы (с одной должности на другую) и менять структуру должностей с минимальным сопротивлением и затратами; гибкость профессиональных навыков означала, что работника легко можно переучить» [Стэндинг. 2014. Р. 18]. По сути, эта гибкость означала, что наемных работников можно ставить во все более уязвимое положение – под предлогом того, что это необходимая жертва происходящей глобализации и модернизации ради сохранения существования организации (производства) и соответственно, рабочих мест. И в этих условиях любые затруднения в развитии экономики, конкретного производства объясняли негибкостью и отсутствием структурных реформ рынка труда.

Именно рынок труда отразил глубокие изменения в социально-экономических отношениях, породив новые тенденции в использовании рабочей силы.

Реальностью стало глобальное противоречие – на смену традиционным приходят гибкие технологии, которые требуют постоянной и быстрой перестройки производства, в результате чего рабочая сила лишается гарантий постоянной занятости, ставится в условия временности и нестабильности своего социального положения без ясной жизненной перспективы, вынуждена непрерывно перестраиваться под новые потребности происходящей модернизации экономики. В этих условиях реализуется неолиберальная установка на неизбежную, по их мнению, необходимость учитывать объективные изменения в процессе производства с перекладыванием ответственности на самого работника, не всегда умеющего приспособливаться к требованиям времени.

Среди социально-экономических причин появления прекариата следует назвать не просто неравенство, но *неравенство возможностей*. Среди части неолиберальных экономистов существует твердая убежденность, что неравенство стимулирует экономическое развитие. Но реальная жизнь говорит об обратном – ущербность экономической политики привела к тому, что увеличилась численность бедного населения, произошло обогащение «эффективных» собственников и менеджеров при значительном росте числа тех, кто не получил доступа к ресурсам, использование которых могло бы повысить качество их жизни (доступ к рабочим местам, желаемой занятости, социальным услугам, к благам, накопленным усилиями предшествующих поколений) [Малева, Авра-

амова. 2016. С. 178]. Вопиющее экономическое неравенство дополняется и другими его видами, в частности в сфере образования, здравоохранения, отдыха. В результате в стране возникли глубокие различия между элитным и массовым образованием, причем последнее дает довольно ограниченные шансы на профессиональную и общественную карьеру в будущем. Ограниченными возможностями пользуются большинство людей с точки зрения поддержания и сохранения своего здоровья. Тем более что в современной России поражает, с одной стороны, уникальные достижения отечественной медицины, которые доступны, за редким исключением, ограниченному количеству лиц, а с другой, запущенность и низкое качество так называемой народной медицины.

К этому следует добавить и такой фактор, который влияет на неравенство — огромное влияние так называемых социально-личностных связей, которые начинаются с доступа к персонам или субъектам управления для решения индивидуальных и групповых проблем и завершаются участием в распределении прибавочного продукта, создаваемого в общественном производстве. В этой связи следует сказать, что 60% россиян достаточно спокойно относятся к самому неравенству, понимая, что люди различаются по трудолюбию, по способностям, по таланту. Другое дело — природа неравенства. И тут возникает напряженность, непонимание и отвержение сложившейся структуры распределения национального богатства и производимого прибавочного продукта.

Развернулась всеохватывающая *коммерциализация* («товаризация») всего и вся, начиная с экономических отношений и охватывая духовно-нравственные аспекты жизни людей. Внедрение рыночных отношений привело к тому, что все, связанное с жизнью и деятельностью человека, становится предметом купли-продажи. Это усугубляется тем фактом, что и само экономическое развитие уходит в сторону от объективных потребностей общества и диктуется своекорыстными интересами государственной бюрократии и крупного национального капитала. Возникает влияние и транснациональных компаний, интересы которых оторваны от национальных интересов страны. По существу подорвана социальная роль государства в таких сферах, как культура, образование, наука, здравоохранение.

Среди причин, способствующих образованию и увеличению прекарных слоев в России, следует назвать *резкое сокращение* численности работающих, особенно в промышленности. Их доля за последнее десятилетие во всех развитых странах сократилась на 10-12%. В России эта тенденция проявилась особенно сильно. Произошел важный структурный сдвиг — торговля стала крупнейшим отраслевым работодателем (21% от численности занятых), обогнав обрабатывающую промышленность (около 20% в 2000 г. и менее 15% в 2005 г.). «Это означает сокращение спроса на промышленно-ориентированные компетенции и необходимость в навыках совершенно другого типа» [Гимпельсон. 2016. С. 132–133].

Важной причиной, внесшей свой вклад в быстрый рост прекариата, можно отнести и позиции предпринимателей, которые следуя и ориен-

тируясь только на получение прибыли, активно ищут пути *снижения расходов на оплату труда, применяя «черные» и «серые» схемы*. В этой ситуации возникли реальные противоречия в организации трудового процесса. В новых условиях работодателя интересует такая перестройка технико-технологических процессов, которая снижает потребность в постоянных работниках.

Особо следует назвать *политические причины*. Разнородные и разнообразные слои, составившие феномен прекариата, во многом сформировались под влиянием (нео)либеральной политики, которая после того, как в 1980–1990-е годы в развитых странах практически закончила существование лейбористская модель государства всеобщего благоденствия (социального государства), привела к резкому сокращению числа рабочих мест с долгосрочными гарантиями занятости и соответствующим социальным обеспечением.

Неолиберализм, особенно отчетливо начавший проявлять себя уже в 70-е годы прошлого века, категорически отрицал роль государства в решении социально-экономических проблем, отвергая идеи централизованного планирования и регулирования. (Нео)либералы выступили против социал-демократической политики, которую в той или иной мере исповедовали в послевоенное время большинство стран Западной Европы. (Нео)либералы доказывали, что развитие экономики, успешное повышение конкурентоспособности возможны лишь в условиях, когда принципы рынка будут пронизывать не только экономику, но и все сферы жизни общества [Фишман. 2016]. В конечном счете, эта установка реализовала *основную цель неолибералов — переложить бремя рисков, все заботы об общественной (публичной) и личной (приватной) жизни на плечи самих людей*. Либералы отказывались обращать внимание на тот факт, что такая организации экономики повышает уязвимость людей, делает их зависимыми от обстоятельств, на которые они не могут повлиять. Этому способствует далеко идущее освобождение собственников от ответственности за нормальное существование миллионов людей и их семей. Получили распространение добровольно-принудительные компромиссы, давление работодателей для предотвращения возникновения конфликтов. Показательны в этом отношении данные об увольнениях с предприятий и организаций: в России с формулировкой по собственному желанию увольняется 70–80%, в то время как во Франции — 17%.

В результате такой политики резко усилились противоречия между провозглашенными в Конституции РФ правами и свободами и реальностью, где все диктовалось теми, кто имел политическую власть и/или капитал.

Стоит назвать и *социально-психологические причины появления прекариата*. Анализ рынка труда показывает, что занятость в виде прекарного труда нередко становится вынужденной мерой. Лишившись работы чаще всего под давлением не зависящих от него обстоятельств, человек начинает искать различные возможности найти устраивающее его рабочее место. Но его встречают предложения, которые далеки от гаранти-

рованной постоянной и удовлетворяющей его притязания занятости. Ему предлагают (если предлагают) временную, частичную, сезонную, эпизодическую и другие так называемые формы гибкой занятости или работу не по специальности и не по полученной ранее профессии, не соответствующую квалификации, что нередко означает не(мало)квалифицированную работу и более низкую оплату труда.

И нередко избрание этих форм занятости осуществляется посредством сознательного решения. К этой причине, способствующей прекаризированной занятости, можно отнести и то, что люди вынуждены приспособляться к новым социально-психологическим установкам, вплоть до признания такого стиля жизни - «жить одним днем», т.е. решать проблемы только ближайшей перспективы при повседневной заботе о выживании. По социологическим данным середины 2010 г., 42,1% людей ответили, что они никак не планируют свою будущую жизнь, а 30,1% — только на 1-2 года (что относится в основном к молодежи, что вполне естественно, так как это время условного жизненного отрезка времени, связанного с учебой, созданием семьи, определением будущей работы или занятости) [Жизненный мир 2016. С. 352].

В условиях неопределенности прекарный труд для одних становится компромиссной мерой, при сохранении веры в то, что этот вид занятости будем временным вариантом, что есть надежда изменить его, добиться иного поворота судьбы. Но такое решение приводит к тому, что эта временность становится постоянной величиной, что вынуждает человека либо к смирению, либо к попыткам активного сопротивления этому состоянию.

Для еще одной группы социально-психологическое воздействие от занятия прекарным трудом выражается в безразличии, в аномии, в принятии создавшегося положения как абсолютно непреодолимого. Это группа часто ностальгирует по ушедшей в прошлое советской стране и существующим тогда трудовым нормам, по имевшейся социальной защите и гарантиям права на труд.

Есть и такая группа прекариата, представители которой страдают от социально-правового диссонанса, работники без заключения трудового договора. Хотя отношения между работодателем и работником зафиксированы в Трудовом кодексе, в их взаимоотношениях «рыночные стимулы превалируют над стимулами социальными» [Смирнов. 2015. С. 147]. И способ их решения часто лежит вне правового поля: господствует принуждение или нередко принимаются устные взаимные соглашения, при которых нормы Трудового кодекса не действует.

Угнетающе и обреченно воздействует на людей тот факт, что происходит торможение социальных лифтов. Вертикальная мобильность, которая характерна для динамично развивающегося общества, в российских условиях доступна только для богатых слоев, которые используют свои инструменты — власть и капитал — для продвижения по служебной и профессиональной лестнице, практически в незначительной степени используя интеллектуальный потенциал, особенно при сравнении с

представителями нижних слоев общества [Малева, Авраимова. 2016. С.177]. В рамках Международной программы социальных исследований в 2009 г. респондентам 40 стран задавали вопрос, что необходимо для того, чтобы добиться успеха в жизни. 30% россиян отметили, что для успеха необходимы «хорошие связи» и 60% – нужно «знать правильных людей» (в других странах эти показатели были соответственно равны 26 и 45%). В этом исследовании выяснялось, насколько важно давать взятки, чтобы добиться успеха в жизни. В США, Германии, Великобритании, Франции доля таких ответов составила 2-4%, а в России – почти 25% [Гимпельсон. 2016. С. 141]. Иначе говоря, люди уверены, что для продвижения по социальной лестнице без необходимой «смазки» в виде связей и взяток не обойтись, а ориентация на важность получения образования помогает мало.

Таким образом, в результате объективно сложившихся изменений в технико-технологической сфере и субъективных действий работодателей возник слой, превращающийся в особый класс, который с полным основанием стали называть прекариатом.

Структура прекариата. В настоящее время имеются различные точки зрения – кого следует включать в это понятие. В процессе осмысления этого феномена возникли разные подходы к объяснению структуры прекариата, его границ, его отличия от других социальных групп, общностей, классов.

Обобщая имеющиеся трактовки современного российского прекариата, определим его структуру, элементы его состава.

Во-первых, прекариат – это часть экономически активного населения России, занятого, по оценке МОТ, на неформальной работе. По заключению некоторых экспертов, эти социальные группы насчитывают до 30-40 % трудоспособного населения. Эти работники ограничены в использовании своего труда, полностью или частично лишены тех прав, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, имеющие гарантированную занятость. Доходы неформально занятых низки – они отличаются от официальных зарплат на 40-65%. По данным МОТ, среди имеющих постоянные контракты в развитых странах бедность не превышает 12%, в то время как среди неформально занятых она может достигать 35% [Мануйлова. 2017]. Члены этих социальных групп (общностей) в силу своего специфического положения, как правило, не обладают полноценными социальными правами, у них нет оплачиваемого отпуска. Они не могут рассчитывать на помощь в приобретении жилья. Забота о детях становится их личным делом, так же как и получение образования и повышение квалификации. Это дополняется тем, что у этих работников практически полностью отсутствуют возможности профессионального роста, профессиональной карьеры.

Во-вторых, прекариат в России состоит из занятых на временной работе. В странах Западной Европы этот вид занятости включает в себя более 20% работников, в странах Азии от 24% на Филиппинах и 67% во Вьетнаме. По данным МОТ, заработок временных работников на 15-55 %

меньше чем у тех, кто обладает постоянным контрактом. Каждый третий из них относится к группе прекариев, имеет доход ниже прожиточного уровня. По словам Дж. Джонсона, главы аналитического управления департамента МОТ, временные работники практически полностью лишены полноценной социальной защиты, подвержены в большей степени рискам заболеваний и вероятности травм в результате слабого контроля за техникой безопасности и за соблюдением нормальных условий работы [Мануйлова. 2017].

В России это, например, ярко проявилось в так называемой рационализации труда преподавателей вузов и других учебных заведений, когда под предлогом оптимизации их переводят на неполную занятость с неадекватным повышением интенсивности их труда. *И главное – временная занятость становится постоянно действующей величиной, которая начинает сопровождать человека всю жизнь.* Стоит отметить, что такая ситуация – удел не только России. По данным К. Дёрре, профессора Йенского университета, «каждый третий работающий по найму в Германии находится в состоянии подвешенного или текущего прекариата» [Что желает ...2015].

В-третьих, прекариат состоит из людей, занятых неполный рабочий день или перебивающихся сезонными работами и/или случайными (эпизодическими) приработками. Этот феномен позволяет скрывать масштабы безработицы. Обычно в подавляющем числе случаев это люди, вынужденно согласившиеся работать неполный рабочий день (трудовую неделю, трудовой год). Причем, как показывает практика, им приходится работать больше и получать за свой труд меньшее вознаграждение, чем они рассчитывали. Более того, многие из этой группы лиц нередко обнаруживают, что они подвергаются большей эксплуатации и самоэксплуатации, которые часто неадекватны вознаграждению за их труд. Эта группа попадает в ситуацию, когда они постоянно подвергаются самым различным ограничениям, вынуждающим их прибегать в смене прежней и поиску новой работы. Причем интенсивность такой смены мест приложения труда постоянно растет. Так, согласно данным мониторингового исследования в Новосибирской области, если в 1995 г. только 9,2% людей несколько раз меняли место работы, то в 2013 г. такой опыт имели уже 21,2% [Воловская и др., 2015]. Причем, при этой форме занятости происходит расхищение интеллектуального богатства страны. Согласно данным всероссийского исследования «Жизненный мир-2014» (окт. 2014 г., 1800 чел., 8 регионов страны), почти 50% указали, что их образование не соответствует выполняемой работе или затруднились ответить на этот вопрос [Жизненный мир...2016. С. 351].

В-четвертых, аналогичные характеристики можно отнести и к занятым заемным трудом, суть которого заключается в том, что возникли посреднические фирмы, которые нанимают работников и передают их другим фирмам, предприятиям, организациям для выполнения нужных им видов работ или оказания услуг другим заказчикам. Это принципиально новая форма занятости, которая использует рабочую силу через посред-

ника. В этом случае работник уподобляется товару, где участвующие в этой своеобразной логистике имеют свою выгоду, за исключением самого работника. Причем, это уже касается всех видов труда, в том числе и высококвалифицированного. В отличие от рекрутинговых агентств, которые только предлагают те или иные вакансии, эти фирмы сами набирают работников, и расплачиваются с ними, а не там, где они трудятся согласно тем или иным договоренностям между работодателем и посредником [Козина. 2013].

В-пятых, прекариат представлен также *безработными*, численность которых во многих странах значительна. Особенно она увеличивается в годы кризиса. Так, после кризиса 2008 г. безработица в России выросла почти на 50% и в 2009 г. составила 6373 тыс. человек. Такая же ситуация была характерна и для 2014–2015 гг. в условиях кризисных явлений в экономике, после введения санкций против России и падения цен на нефть. Причем, по мнению экспертов, разрыв между регистрируемой и общей безработицей колеблется в пределах от 3,5 до 7 раз [Российский... 2017]. Причем следует особо отметить, что скрытая безработица часто маскируется под нежелание регистрироваться, под случайные приработки, под эпизодическую занятость в личном, особенно приусадебном хозяйстве. Особенно специфично безработица проявляет себя в депрессивных регионах.

И наконец, к прекариату примыкает, на наш взгляд, *часть мигрантов*, численность которых во многих странах мира, в том числе и в России, значительна. Их положение характеризуется как ситуация, в которой многие ущемлены в правах, ниже оплачиваются по сравнению с официальными гражданами, им не гарантируются многие социальные блага. Нередко они подвергаются если не прямой, то косвенной этнической и религиозной дискриминации [Малахов. 2015. С. 115].

В этой структуре следует, на наш взгляд, *выделить кандидатов в состав прекариата*, тех, которые находятся в пограничном состоянии, стабильность социального положения которых размывается. К ним, на наш взгляд, относятся фрилансеры и вступающая в трудовую жизнь молодежь (в основном студенческая), которая ждет, когда займет желаемое ею социальное положение.

Что касается *фрилансеров*, то они представляют трудно поддающуюся учету социальную группу *так называемых креативных профессий: специалистов* по информационным технологиям, программистов, дизайнеров и др. Их нередко пытаются представить приверженцами свободлюбивого духа, независимых от строгой и мелочной регламентации официальных (государственных, акционерных, частных) предприятий и организаций [Харченко. 2014. С. 57]. Но их нонконформизм, отсутствие внешнего повседневного контроля на деле оборачиваются тем, что эта показная и хотя иногда в чем-то привлекательная независимость сопровождается теми же ограничениями, как и названные ранее группы — беззащитностью, отсутствием социальных гарантий, оставлением человека в одиночестве в случае непредвиденных жизненных об-

стоятельств, лишением стабильности и уверенности в будущем. Те и для этой категории характерно весьма проблемное положение многих из них с точки зрения устойчивой постоянной занятости [Стребков, Шевчук. 2017].

К кандидатам в прекариат следует отнести такую проблемную группу как *молодежь, и особенно студенчество*, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и профессии устойчивое положение. Однако часть молодежи находится в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и оправданных претензий занять достойное место в жизни.

Именно все эти социальные группы образуют прекариат во всех его проявлениях. Вице-премьер правительства России О. Голодец заявила в апреле 2013 г. на XIУ Международной конференции «Модернизация экономики и общества», что 38 млн. людей трудоспособного возраста работают в непрозрачных условиях, что «наш рынок труда практически нелегитимен, и лишь небольшая часть функционирует по нормальным правилам» [Голодец. 2013]. Из свыше 76 млн. трудоспособного населения такое количество россиян непонятно *где* заняты, *чем* заняты, *как* заняты, в результате чего условия жизни, их доходы не отражаются в официальных статистических данных.

Таким образом, в России, как и во всем мире, в конце XX – начале XXI веков появился новый социальный класс – прекариат, который характеризуется неформальной, временной, сезонной или частичной занятостью, носящей негарантированный, нестабильный, неустойчивый, преходящий характер. При этом, необходимо отметить, что его численность имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в том числе и за счет людей, пока имеющих постоянную занятость. Эти группы несут многие характеристики пролетариата, наследуя его эксплуатацию, но в более изощренных формах.

Основные и специфические черты жизненного мира прекариата. Для прекариата, прежде всего, *характерно неустойчивое социальное положение*, обусловленное тем, что временная, частичная, неполная, сезонная и эпизодическая занятость стала отчетливо выраженным показателем уязвимости жизненного мира работника. Особо подчеркнем, что массовое лишение постоянной трудовой занятости касается не только рабочих, но и всех слоев населения и даже части среднего класса, который нередко представляется как образец стабильности и ориентир для подражания.

Нынешняя реальность такова, что в условиях кризиса социальное положение многих людей, претендующих на трудовую занятость, в мире серьезно ухудшилось. Огромное количество безработных (в некоторых странах их численность достигает трети трудоспособного населения) постоянно пополняется молодежью после окончания учебных заведений.

Такое состояние с занятостью нельзя оправдывать потребностью в гибком использовании трудовых ресурсов. И хотя такой подход в технологическом толковании оправдан, эта гибкость оборачивается для работника огромными социальными издержками, выражающимися в *поте-*

рях или снижении социального статуса, который всегда был важным показателем жизненного мира людей. И эта угроза понижения социального статуса серьезно волнует людей. По данным Всероссийского исследования экономического сознания (РГГУ, 2012г., 12 регионов, 1207 чел.) 31,2% (а по данным 2016 г. – 33,3 %) считают, что существует реальная (полностью и частично) возможность лишиться работы.

В настоящее время в российской экономике сложилась ситуация, когда люди, которые по своим потенциальным возможностям и способностям вправе претендовать на соответствующую более удовлетворяющую их занятость, но вынуждены соглашаться на менее оплачиваемую и непрестижную работу. Возникает *статусный диссонанс*. Особенно он характерен для молодежи, которая начинает свой жизненный путь и вынуждена соглашаться с предложенными условиями, но в то же время с надеждой, что это кратковременное явление, имеющее ситуативные издержки. Уже и в этом случае в сознание этой группы закладывается ощущение несправедливости, которое может подтвердиться на основе как собственного опыта, так и наблюдений за реальными ситуациями. В то же время дети высокопоставленных родителей, минуя всякие промежуточные ступени, занимают престижные должности, да еще демонстрируют свое превосходство над окружающими. [Веретенникова, Поляков. 2017. С. 17].

Следовательно, социальные лифты перестали работать (или «заржавели»). И дело не столько в том, что выходят «на верх» социальной лестницы избранные по сомнительным и весьма спорным критериям люди, а в том, что резко сужается возможность обновления общества за счет талантов из самых различных слоев, а также серьезно ограничивается социально обусловленное генерирование способных и творческих специалистов на следующих ступенях профессиональной или общественной карьеры.

Не менее важной характеристикой жизненного мира прекариата является *его социальная незащищенность, лишение его многих социальных гарантий*. Это проявляется не только в более низкой оплате труда – прекариат лишен гарантий по охране здоровья, помощи в обучении детей, в организации отдыха. Как правило, эти люди лишены не только регулярных, но и эпизодических поощрений. Именно статус временного работника освобождает работодателя от излишних затрат на содержание трудовых ресурсов, сокращает издержки, повышает доходность и главное – перекладывает заботу о нынешнем положении и о будущей жизни на плечи самого работника «в целях формирования у него самостоятельности, ответственности и конкурентоспособности». Прекариат, как правило, не имеет никакой правовой защиты (или она минимальна, урезана), гарантий занятости, но предполагает согласие подчиняться, соблюдать определенную лояльность [Стэндинг. 2014]. Прекарии не имеют доступа к государственным пособиям или иным формам поддержки. Это общее чувство незащищенности усугубляется тем, что они живут сами по себе, не получают социальных пособий (если они не за-

регистрировались как безработные, от чего многие из них уклоняются, чтобы не прослыть «неконкурентоспособными» и не быть причисленными к «социальному дну»). У этого класса нет и реально действующих правовых актов (законов), защищающих от произвола, что особенно наглядно проявляется в несоблюдении базовых трудовых прав. По данным всероссийского исследования (1207 чел. в возрасте от 18 лет, 12 регионов, 2012г., РГГУ), только 20,2% сказали, что их работа по найму и/или дополнительная работа были официально оформлены трудовым соглашением с работодателем или уполномоченным им органом.

Стоит отметить еще одну характерную черту жизненного мира прекариата — *специфические отношения распределения*. Эта специфика, прежде всего, заключается в высокой степени неопределенности оплаты труда из-за разнообразия способов ее реализации в реальной практике, которая практически не зависит или мало коррелирует с требованиями трудового кодекса, но зависит от часто мало понятных и произвольных действий работодателя. Тем более, что даже оговоренный размер оплаты труда может кардинально измениться в зависимости от различных обстоятельств не только в сфере неформального сектора экономики — этим грешат и официальные, в том числе и государственные организации и учреждения. Для прекариата доступно получение помощи для поддержания своей жизни только от семьи, родных и близких людей. И в лучшем случае возможны эпизодические формы помощи от благотворительных фондов или местного сообщества, что нередко оборачивается унижением человеческого достоинства, потерей веры в себя и государство [Подробнее см.: Жизненный мир...2016. С. 33–68].

Прекариат по сути депрофессионален, ибо ему присуща частая смена мест приложения труда. И это не внутренняя потребность, а навязанная линия поведения неолиберальной экономикой, и касается это огромной массы людей, которые во все большей мере работают не по полученной специальности. Такое состояние с занятостью ведет к «деинтеллектуализации труда», деформации трудового процесса (Гринберг. 2009. С. 4). По выборочным исследованиям, если в 1995г. только 17,6% не могли устроиться по своей профессии, то в 2002 г. их было 37%, а в 2013 г. — уже 49,1%. [Воловская и др., 2015]. Каждый раз, теряя прежнее место работы, человек в большинстве случаев получает иную сферу приложения труда, требующего некоторого усредненного знания и определенного набора навыков, чтоб выполнять поручаемую ему работу. Это особенно наглядно проявляется в судьбе выпускников университетов и других учебных заведений (из них в основном комплектуется «офисный планктон»), занятость которых мало учитывает прежнюю подготовку молодых людей. Большинство из них, несмотря на ранее полученную специальность, выполняет некоторый набор усредненных требований, необходимых для выполнения таких функций как писать справки, готовить исходную информацию, собирать необходимые данные из различных источников, выполнять поручения, для реализации которых не обязательно иметь высшее образование. В этих условиях становится

важным наличие диплома об образовании без особого учета, какое это образование, в чем оно заключается и какую профессию получил молодой человек. В результате происходит массовая депрофессионализация, утрата профессиональной идентичности, потеря профессиональной культуры. Поэтому не удивительно, что все возрастающему числу представителей прекариата присуща потеря профессиональной самоидентификации даже в том случае, если они в прошлом имели апробированный опыт работы по определенной специальности и занимали ответственные должности. Считается, что прекариат будет трудиться, когда и как потребуются в условиях, как правило, не зависящих от его собственного выбора. И в этой ситуации, несмотря на различие в целях добиться хотя бы какой-нибудь занятости, у всех представителей прекариата есть нечто общее – ощущение и понимание того, что их работа в большинстве случаев вынужденная, случайная, ненадежная и практически часто не коррелируемая с полученной профессией [Бизюков. 2014].

Жизненному миру прекариата присуща и такая черта – он лишен перспективы, не видит будущего при нынешнем устройстве общества и государства. На деле это означает отказ от профессиональной карьеры, от профессионального роста, от профессиональной перспективы. Этот отказ дополняется тем, что *доход у прекариата нестабилен, случаен, колеблется в зависимости от самых различных обстоятельств.* Отсутствие уверенности в будущем переносится и на членов семьи, на ближайшее окружение, заставляя людей задуматься над путями выхода из создавшегося положения. В этой ситуации для людей возможны различные варианты поведения: а) смириться со сложившейся ситуацией, плыть по течению; б) искать варианты приспособления, используя кратко- или среднесрочные меры по стабилизации своей трудовой и гражданской жизни; в) выступить с активными действиями, начиная от протестных акций против работодателей и правящего режима и кончая приобщением к криминальной среде.

При определении имманентных качеств прекариата надо обязательно обратить внимание, что его положение характеризуется поразительным обстоятельством – многие из тех, кого относят к прекариату, ни разу не видели своего работодателя, не знают, кому принадлежат организация или предприятие, на которых они работают, не знают ни планы по их развитию или существованию, ни их будущее. Т.е. это положение, отличное от пролетариата, делает прекариат отстраненным от всякого возможного влияния и воздействия на те органы управления, которые руководят ими. Это удивительным образом совпадает с реалиями российской действительности. Напомним, что более года официальные органы устанавливали после теракта в Домодедово, кто же является владельцем этого аэропорта. Не менее поразительные случаи незаконного использования нелегалов-мигрантов на многочисленных стройках столицы и других регионов России, когда часто не могли долгое время установить владельцев и ответственных за эти стройки.

Все это позволяет сделать вывод, что жизненный мир прекариата столкнулся с новым видом отчуждения, с которым в таком виде и в таком масштабе история ранее не встречалась. Прекариат занял место пролетариата и его положение во многом схоже с тем положением, который занимал рабочий класс в XVIII–XX веках. Отличие только состоит в том, что прекариат комплектуется, складывается практически из всех слоев современного общества, олицетворяет огромную массу людей, занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временный, а длительный характер. У этих людей нет уверенности в своей необходимости обществу, в своем праве претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищенность, на надежду на гарантированное будущее своей семьи и своих близких в ситуации, когда неизвестно кому предъявлять претензии, кроме безымянных и неопределенных социальных институтов.

Таким образом, для прекариата *вопрос о занятости – это вопрос не столько о том, ЧТО делать, а вопрос о том, КЕМ быть в этом мире*. Социальный слой, обозначаемый словом «прекариат», олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества, испытывает особые, изошрѐнные формы эксплуатации их труда, знаний, квалификации. Вместе с тем, в отличие от классического рабочего класса, который в вековой борьбе не только отстоял свои интересы, приобрел навыки борьбы за свои права и добился принятия законов по защите своих прав, прекариат представляет собой удобный объект для манипуляций и угнетения [Механик. 2014].

Если суммировать и найти рациональное объединяющее всех понимание сущности этого класса, то обзор имеющихся точек зрения позволяет сделать вывод, что *прекариат – это формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством, с другой стороны, это быстро растущий слой работников с нестабильным социальным положением, с неопределенной, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив своей гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни*.

Новые формы классовой самоорганизации прекариата. Что же превращает прекариат из «класса в себе» в «класс для себя»? В настоящее время прекариат, в отличие от андеркласса, члены которого мирятся со своей жизненной ситуацией, начинает более активно искать пути изменения своего социально-экономического положения. В соответствии с этим в его недрах вызревают идеи по преодолению своего ущемленного положения, апробируются действия, которые с учетом специфики рыночных отношений позволили бы внести коррективы и исправить (из-

менить) эксплуататорскую сущность сложившихся рыночных отношений.

В современных условиях прекариат все в меньшей степени ориентируется на использование не столько проверенных в прошлые времена инструментов классовой борьбы - забастовок, митингов, пикетов и т.п., сколько на новые, непривычные и мало апробированные формы борьбы. Среди них можно отметить такие, например, как Евромай в Западной Европе и Японии, «Окупай» в США, когда всеми способами и символами демонстрировались незащищенность прекариата, нестабильность, иррациональность его существования.

Средством протеста против существующего общества стали экологические, антиглобалистские, субкультурные объединения, которые избрали различные ранее не практиковавшие формы уличного протеста — столкновения с полицией, блокирование улиц, осада банков и/или прилегающих районов.

Стали множиться такие формы гражданских движений, которые возникали по поводу конкретных событий, послуживших основой для пристального или взволнованного внимания всего общества. Так, в настоящее время произошла резкая активизация протестных действий в связи с пенсионной реформой. Определенный резерв для превращения социального движения в политическое представляют собой мигранты, особенно трудовые. В борьбе с российской бюрократией они создают организации по защите и отстаиванию своих прав.

Все большее распространение получают акции, которые нацелены на привлечение внимания если не всего общества, то официальной власти, политических организаций. С этим связаны такие действия как перекрытие железнодорожных и автомобильных трасс по принципу — нанести ощутимый и трудно скрываемый ущерб не только экономике конкретных производств, а всему государству. Так, протест работников трех предприятий в Пикалево в Ленинградской области против их ликвидации в виде перекрытия важной автомобильной дороги привел к вмешательству первого лица государства, административным методом превратившего превращение моногорода в зону бесперспективного существования семей десятков тысяч работников.

Вместе с тем, перед прекариатом остро стоит вопрос — как перейти от случайных эпизодических актов выражения недовольства к скоординированным политическим действиям.

Прекариат начинает выходить из тени. Так, победу Трампа на президентских выборах в США, на наш взгляд, обеспечил американский прекариат: т.е. люди глубинки (малых городов и сельской местности), нынешнее и будущее положение которых в высокой степени неопределенно. У них произошла стагнация доходов. В известной степени это касается и президентских выборов во Франции.

Это тем более показательно, что в своей борьбе основные претензии адресуются государству. Это своеобразное проявление патернализма, который особенно присущ России. Работники, даже если они заняты на

частных предприятиях, все же считают государство основным ответственным органом за то, что им, например, не выплачивают или задерживают заработную плату. Даже в этом конкретном случае эта претензия выглядит следующим образом — почему государство не воздействует на собственников по соблюдению ими элементарных норм трудового права и позволяет им творить произвол, игнорировать элементарные требования государства, провозгласившего себя, согласно Конституции РФ, социальным.

Возможна ли общая идеология у прекариата? Такая постановка требует решения ряда принципиальных вопросов. Во-первых, прежде чем сформировать единое или схожее мировоззрение, для этого должна сложиться *солидарность*, которая объединила бы духовно все (или большинство) слои прекариата, сделала ее достоянием всей трудовой и общественной жизни, продемонстрировала бы намерение достигать общие цели, связанные с благополучием людей и их уверенностью в своем будущем.

Во-вторых, на основе солидарности начинают формироваться идеи, которые могут послужить объединяющим началом. На наш взгляд, эти идеи есть. Все слои прекариата в той или иной форме хотят соблюдения и применения к ним принципов социальной справедливости, гарантий своей защищенности и уверенности в гарантированном будущем. Конечно, эти идеи дополняются и специфическими требованиями в зависимости от специфики того или иного слоя, той или иной общности.

В-третьих, распространение общих идей, понимание и усвоение общих объединяющих целей ведут к сотрудничеству, к стремлению действовать не порознь, а сплоченно, как это было в свое время у пролетариата. Это не значит, что это сразу должно коснуться всех слоев прекариата, но именно осознание и его реализация могут объединять смежные группы, как например, преподавателей и ученых, что уже нашло отражение в попытках их объединения в рамках не только общественной, но и политической организации.

Но в настоящее время неясны *лидеры*, нет соответствующих профсоюзных, профессиональных, политических объединений, которые сплотили бы эти разнообразные ряды и овладели бы средствами и методами отстаивания своих интересов. Несомненно же одно — недовольство в обществе возникает в основном в этих рядах, а не в пауперизованных слоях населения (андеркласса). Стоит особо подчеркнуть, что недовольство копится также среди значительной части молодежи, которая, несмотря на внешнее благополучие и устроенность, не обладает гарантированной стабильностью, не имеет возможности строить профессиональную карьеру и обеспечить себе защищенное будущее.

Где искать выход? Прежде всего, нужно остановить расползание неформальных трудовых отношений. Современные формы трудового права имеют огромный потенциал для того, чтобы оформить и упорядочить любые формы трудового взаимодействия. Нужно вернуть понятия справедливости, доверия и гуманизма в экономику. Нужно вернуть понима-

ние, что работники не менее ценны для общества, чем предприниматели или чиновники [Анисимов. 2016]. Но больше всего – нужен ответственный диалог работников с работодателями. Можно, конечно, ничего этого не делать, можно продолжать гнаться за снижением трудовых издержек любой ценой. Но надо понимать, что мы одновременно закладываем новую структуру общества.

Все это позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с принципиально новым социальным образованием – прекариатом, который в настоящее время еще в немалой степени несет черты протокласса. Составляющие его социальные группы не выработали еще чувство солидарности, слабо или совсем не организованы, не имеют объединяющей, хотя бы смутно осознаваемой политической программы и соответствующей идеологии. Прекариат все еще есть «класс в себе», который стоит на пороге превращения в «класс для себя». Но он уже образует устойчивое социально-классовое образование, которое объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию превращения в класс, от сознания и поведения которого будут зависеть судьбы страны.

Но этот класс не станет базой социальной поддержки официальной политики, ибо у него нет никаких оснований видеть в своем положении залог достижения приемлемого социального статуса. Прекариат непременно будет искать выход из неопределенности своего положения с помощью сначала стихийных, а в будущем и организованных действий. Одним из путей постепенного осознания своего положения станет его причастность к процессу нарастания социальной напряженности. И хотя прекариат еще себя не осознал «классом для себя», но это может произойти точно таким же путем, как это случилось с пролетариатом, долгое время бывшим «классом в себе».

Есть ли будущее у прекариата? То, что прекарные слои общества не только существуют, но и постоянно увеличиваются. – это бесспорный факт, новая специфическая социально-экономическая реальность. Поэтому возникает вопрос – а каково будущее прекариата? В каком направлении он будет развиваться?

Первый путь – это постепенное формирование нового класса, превращение его из «класса в себе» в «класс для себя», который обязательно преодолет период раздробленности, неорганизованности, как это было в свое время с пролетариатом [Стэндинг. 2014; Тощенко. 2018; Сеймор. 2012).

Второй путь – это неизбежное обострение социальных противоречий, появление новых форм классовой борьбы («Первомай», «Окупай», флешмобы). Имеет перспективы протестное голосование, как это было в США и Франции, когда массы людей, живущие в сельской местности и малых городах и занятых прекарными видами работы, поддержали Трампа и Макрона, в которых прекарные слои увидели людей, наиболее

адекватно отражающих их надежды и чаяния [Munck. 2017; Neilson & Rossiter. 2008].

Третий путь – это коренная перестройка официальной социальной политики, сокращение масштабов неформальной экономики, социального неравенства и классовой дифференциации, нахождение путей согласования интересов сильных мира сего и рядовых граждан [Castel. 1995; Sassen, 1994; Hardt & Negri. 2000].

Четвертый путь – это принятие технократической доктрины в ее тесной увязке с социальными гарантиями. Это предполагает осуществление требований четвертой промышленной революции со стимулированием гибкости производства, его модернизацией и цифровизацией. А это, с одной стороны, потребует уменьшения рабочего времени до 3-4 часов, а с другой, реализацию заботы о том, как обеспечить рациональное и эффективное использование времени досуга, свободного времени.

Ситуация на рынке труда такова – проблемы занятости и связанные с ними вопросы социального равенства, достижения социальной справедливости придется решать всем без исключения странам и желательно в конструктивном ключе, не полагаясь на стихийное и автоматическое разрешение противоречий между логикой общественного развития и личными устремлениями людей.

Анализ профессиональной и ценностной структуры прекариата показывает, что современные общества имеют дело с такими слоями, который дорожат своей профессиональной подготовкой, намерены не прерывать социальных связей с окружающим миром (в отличие от андеркласса) и вернуться в социальные слои, устойчиво трудоспособные и активно проявляющие свои созидательные намерения, т.е. в современном мире имеются группы населения, позитивно настроенные на созидательную деятельность, но в то же резко ограниченные в своих возможностях проявить самостоятельность, независимость, использовать права и свободы гражданина демократического общества. Однако формируется тенденция превращения прекариата в мощное социальное образование – будущий класс, от сознания и поведения которого будут зависеть судьбы страны.

Литература

1. *Анисимов Р.И.* Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11.
2. *Бизюков П.* Что такое прекариат? // Газета.ру. 2014. 1 мая.
3. *Веретенникова К., Поляков М.* Золотые семьи // Версия. 2017. № 21.
4. *Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В. Иноземцева А.В.* Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе // Социологические исследования. 2015. №5.
5. *Гимпельсон В.Е.* Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129-143.
6. *Голенкова З.Т.* Прекариат как новое явление в современной структуре. Наемный работник в современной России // М.: Новый хронограф. 2015.

7. Голодец О. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем // Российская газета. 2013. 3 апреля.
8. Гринберг Р.С. Великая трансформация: невыученные уроки // М., 2009.
9. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.). / М., 2016.
10. Козина И.М. Работники заемного труда // Социологические исследования. 2013. №5.
11. Малахов А. Аллохтоны и автохтоны: мигранты как субъект социального взаимодействия // Политические исследования. 2015. № 1.
12. Малева Т., Авраимова Е. Основания многофункциональной социальной политики // Экономическая политика. 2016. Т.11. № 2. С. 177–193.
13. Мануйлова А. Нестандартная занятость берет свое / Коммерсантъ, 2017, 17 октября.
14. Механик А. Униженные и оскорбленные современного мира // Эксперт. 2014. № 1.
15. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / М.: ВШЭ. 2017.
16. Санкова Л.В. Прекариатизация занятости в современной экономике: системный риск или «особая» форма флексибилизации // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 4(194). С. 44–53.
17. Смирнов С.Н. Прописные истины трудовой сферы // Мир России. 2015. Т. 24. №1.
18. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организованной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1.
19. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: 2014.
20. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу // М.: Наука. 2018.
21. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6.
22. Фишман Л.Г. Закат «общества труда»; современная идеологическая констелляция // Политика. 2016. №3 (82).
23. Харченко В.С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 54–63.
24. Что желает молодежный прекариат России? // Facebook. 29/01/2011. URL: www.chaskor.ru/article/chego_zhelaet_molodezhny.
25. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России // М. 2009.
26. Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. №12. С. 99–110.
27. Bourdieu P., Le precarite est aujourd'hui partout (Precariousness is Everywhere Novadays) // Contre-feux. Paris. 1998. P. 96–102.
28. Castel R. Les métamorphoses de la question sociale: une chronique du salariat // Paris: Fayard, 1995.
29. Cranford C.J., Vosko L.F., Zukewich N. Precarious employment in the Canadian labour market: a statistical portrait // Just labour. 2003. Vol. 3. P. 6–22.
30. Doogan K. New Capitalism: The Transformation of Work // Cambridge: Polity Press. 2008.
31. Ferguson J. Formalities of poverty: thinking about social assistance in South Africa' // African Studies Review. 50(1). 2007. P. 71–86.
32. Hardt M., Negri A. Empire // Cambridge. MA. 2000.
33. Kalleberg A.L. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition // American sociological review. 2009. Vol. 74. P. 1–22.
34. Munck R., Globalisation and Labour: The New 'Great Transformation' // London: Zed Books. 2002.
35. Neilson B & N Rossiter N. Precarity as a political concept, or, Fordism as exception // Theory, Culture and Society. 25(710). 2008.

36. *Pink D.* Free Agent Nation: How America's New Indededent Workers Are Transforming the Way We Live // New York: Warner Books. 2001.
37. *Sassen S.* The informal economy: between new developments and old regulations // Yale Law Journal. Summer. 1994. P. 2289–2304.
38. *Seymor R.* We are All Precarious – On the Concept of the “Precariat” and its Misuses. 2012.
39. *Standing G.* The Precariat: The New Dangerous Class. L. and N.Y.: Bloomsbury Academic. 2011.
40. *Tangian A.* Is flexible work precarious? A study based on the 4th European survey of working conditions 2005. WSI – Diskussionspapier. 2007. No 153. URL: <http://hdl.handle.net/10419/21599>.
41. *Vives A., González F., Moncadae S., Llorense C., Benach J.* Measuring precarious employment in times of crisis: the revised Employment Precariousness Scale (EPRES) in Spain // Gaceta Sanitaria. 2015. No 29(5). P. 379–382.
42. *Vosko Leah F.* Managing the Margins. Gender, Citizenship and the International Regulation of Precarious Employment // New York. 2010.